

П.В. Трощинский

Институт Китая и современной Азии РАН, Москва

Цифровизация и искусственный интеллект: опыт Китая

Аннотация. Китай добился выдающихся результатов в цифровой сфере, утвердившись в качестве одного из мировых лидеров в разработке и внедрении передовых цифровых технологий. Сегодня республика занимает ведущие позиции не только в области искусственного интеллекта, больших данных и полупроводников, но и в таких стратегически важных отраслях, как квантовые вычисления, геномика, возобновляемая энергетика, космические исследования и высокоточное вооружение. Эти успехи стали возможны благодаря целенаправленной эффективной государственной стратегии, в которой наука, технологии и цифровизация рассматриваются не как экономические секторы, а как инструменты возрождения китайской нации. Основой этого технологического взлета стала последовательная политика цифрового суверенитета, ориентированная на три ключевых принципа: защиту государственных интересов, тотальное импортозамещение и создание независимых от Запада собственных технологических цепочек. Сегодня Китай – это одна из самых глубоко цифровизированных стран мира с высокоразвитыми технологиями искусственного интеллекта. Цифровая экономика, включающая электронную коммерцию, финансовые технологии, «умные города», ИИ и облачные вычисления, составляют значительную часть ВВП страны. К 2030 г. этот показатель достигнет 50%. Для России опыт Китая чрезвычайно актуален и важен с практической и теоретической сторон. Россия добилась больших успехов в сфере развития высоких технологий, однако, по объективным причинам, она еще отстает в некоторых аспектах от КНР. Изучение китайского опыта позволит не только заимствовать передовые управленческие и технологические решения, но и учиться на его ошибках, создавая эффективную альтернативу американским и китайским решениям.

Ключевые слова: *Китай, цифровизация, искусственный интеллект, цифровой суверенитет, платформа, право Китая, санкции.*

Классификация JEL: O33, O53, L86.

Для цитирования: **Трощинский П.В.** (2026). Цифровизация и искусственный интеллект: опыт Китая // *Журнал Новой экономической ассоциации.* № 1 (70). С. 427–433.

DOI: 10.31737/22212264_2026_1_427-433

EDN: QXETMI

Введение

Современный Китай (КНР) по праву занимает лидирующие мировые позиции в области высоких технологий, больших данных, искусственного интеллекта. Ему принадлежат прорывные инновационные решения в науке и технике, образовании, медицине, космосе, ядерных исследованиях, военном деле, освоении ресурсов. Все это произошло благодаря продуманной национально-ориентированной политике, направленной прежде всего на защиту интересов государства, импортозамещение и создание собственных производств и технологий.

Китай тотально цифровизирован. Число пользователей сети Интернет превышает 1,1 млрд человек, коэффициент распространения

Интернета – около 80%¹; в 2025 г. добавленная стоимость цифровой экономики достигла (по предварительным данным) 49 трлн юаней, что составило около 35% ВВП². Почти вся эта экономика функционирует внутри национального цифрового пространства, защищенного «Великим китайским файерволом» (Firewall – межсетевой экран) и регулируемого относительно прозрачными партийными директивами и законодательством (Габриелян, 2025).

Как Китаю удалось добиться таких потрясающих результатов развития в цифровой сфере и ИИ? Какие политические и законодательные шаги были им для этого сделаны? На эти и некоторые другие вопросы постараемся ответить в предлагаемом исследовании.

¹ 第56次中国互联网络发展状况统计报告 (Статистический доклад о развитии Интернета в Китае), 2025.07, с. 1. Опубликовано Центром интернет-информации Китая.

² 人民日报 (Народная ежедневная газета), 2026.01.24.

2. Цифровизация и обеспечение цифрового суверенитета

С начала зарождения и развития цифровых технологий и искусственного интеллекта власти в Китае придерживались политики защиты национальных интересов в новой сфере. Ее лейтмотивом стало обеспечение цифрового суверенитета (Цзэн Цзинцзин, Чжан Боцзе, 2023), т.е. одновременный запрет на работу иностранных цифровых платформ в стране с параллельным созданием собственных аналогичных решений и формированием закрытой от внешнего влияния цифровой экосистемы.

Во-первых, Китай выдвинул требование приземлить (локализовать) все иностранные (американские) цифровые компании в стране. Facebook и Instagram³, Google, Twitter(X), YouTube, WhatsApp, Viber, Sogal, Amazon, eBay и другие платформы при входе на китайский рынок должны были регистрироваться как юридическое лицо на территории КНР. Для китайского регулятора деятельность американской платформы становилась максимально прозрачной и в случае нарушения ею действующего законодательства счета в банках Китая могли быть арестованы, а виновные руководители и другие ответственные лица – привлечены к юридической ответственности, включая уголовную⁴.

Во-вторых, законодательство КНР требовало (и продолжает требовать) приземлять (локализовать) не только иностранный бизнес, но и все данные, которые он собирает, обрабатывает или хранит в связи со своей деятельностью на китайском рынке. В этом заключалось главное отличие китайской позиции от российской и некоторых европейских условий пребывания иностранных компаний в стране (Лян Юй, 2024). Ключевым инструментом этой политики впоследствии стал Закон КНР о безопасности сети Интернет⁵. Данный закон обязал операторов указанных систем хранить персональные данные граждан и важную деловую информацию исключительно на серверах, физически расположенных на территории Китая. Это требование затем было усилено Законом КНР о безопасности данных (中华人民共和国数据安全法) (10.06.2021) и Законом КНР о защите персональной информации (中华人民共和国个人信息保护法) (20.08.2021), превратив локализацию данных

из технического требования в главный элемент национальной безопасности.

В республике действует запрет на выход китайских компаний на международные фондовые биржи (IPO) (Ма Гуан, 2023), если их деятельность связана со сбором, хранением или обработкой персональных данных более чем 1 млн граждан КНР. Это положение было формально закреплено в принятых 07.07.2022 «Правилах оценки безопасности данных при выходе за рубеж» (数据出境安全评估办法) (далее – Правила), хотя фактически оно уже применялось и до официального вступления в силу Правил (с 01.09.2022) через административные разрешения и неформальные рекомендации.

Согласно Правилам, любая китайская компания, планирующая IPO за рубежом и имеющая доступ к таким объемам данных, должна пройти обязательную оценку безопасности вывоза данных, которая включает анализ рисков для национальной безопасности, общественного порядка и суверенитета над информацией. На практике эта процедура стала де-факто запретом свободного доступа к иностранным рынкам капитала для технологических, транспортных, финансовых и медицинских платформ с массовой пользовательской базой. Масштабы этого регуляторного поворота трудно переоценить – речь шла, как минимум, о персональных данных более чем миллиарда граждан КНР – от биометрических характеристик и геолокации до финансовых транзакций, медицинских записей и поведенческих паттернов в цифровой среде. Любая попытка вывести данные за пределы страны требует прохождения сложной процедуры оценки безопасности, одобрения нескольких государственных ведомств и, по сути, становится возможной только при условии, что интересы китайского государства не будут затронуты.

Наиболее показательным примером применения этой политики стала судьба «DiDi» – крупнейшего в Китае агрегатора такси, насчитывающего сотни миллионов зарегистрированных пользователей и ежедневно обрабатывающего данные о перемещениях миллионов людей, включая их геолокацию, маршруты, время поездок и личные профили. DiDi провел IPO на Нью-Йоркской фондовой бирже летом 2021 г., собрав несколько миллиардов долларов. В ответ китайский регулятор объявил о начале специального расследования в отношении компа-

³ Признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории Российской Федерации.

⁴ Отметим, что в отличие от РФ в КНР действует уголовная ответственность организаций (ст. ст. 30 и 31 Уголовного кодекса), предусматривающая наложение на юридическое лицо уголовного наказания в виде штрафа, а его ответственные лица наказываются по соответствующим статьям уже УК КНР.

⁵ 中华人民共和国网络安全法) (принят 07.11.2016, с изменениями от 28.10.2025. Поиск китайского законодательства в исследуемой сфере осуществлялся на крупнейшей в республике справочно-информационной платформе, созданной Пекинским университетом (<https://www.pkulaw.com> (на кит. яз.)). (P.S. Автор настоящего исследования свободно владеет китайским языком, что позволяет ему анализировать законодательство и научные источники на языке оригинала.)

нии (Цзян Ципин, 2021), заявив, что ее действия угрожают национальной безопасности и интересам общества. DiDi был вынужден отменить свое американское листинговое размещение, начать процесс делистинга и подготовил план повторного IPO — уже на Гонконгской бирже, где осуществляется контроль со стороны китайских властей. Этот прецедент стал сигналом для всего технологического сектора республики: Китай больше не допустит, чтобы чувствительные данные его граждан становились прозрачными для американских регуляторов, которые могут потребовать раскрытия внутренней информации в рамках аудита или расследования.

В-третьих, китайская модель цифрового регулирования предъявляет иностранным компаниям, включая американские технологические гиганты, не только технические, но и идеологические требования. Уже с середины 2010-х годов китайское законодательство стало требовать от всех платформ, работающих на территории КНР, активного участия в цензуровании контента, выходящего за рамки формального соблюдения законов (Чжа Синьбао, Линь Чжунцзянь, 2015). Речь шла не просто о запрете порнографии, террористической пропаганды или мошенничества — как это принято в большинстве юрисдикций, — а об обязательном удалении любой информации, которая искажает историю Китая, подрывает подвиги героев, мучеников революции, ставит под сомнение военные победы, оскорбляет Коммунистическую партию Китая и ее руководителей или нарушает принципы национального единства, религиозной гармонии и территориальной целостности. Эти формулировки закреплены как в законах, так и во многочисленных административных правилах.

На практике это означает, что иностранные компании обязаны внедрять сложные системы модерации, сочетающие искусственный интеллект и ручную проверку, для выявления и блокировки так называемой «вредной информации» (有害信息). Платформы должны не просто реагировать на жалобы пользователей, но проактивно сканировать проходящий через них контент, обучать модераторов политической грамотности и отчитываться перед регуляторами об удаленных материалах и их источниках.

Многие американские цифровые корпорации под давлением властей США отказались подчиниться установленным китайским правительством правилам. В ответ они подверглись тотальной блокировке на территории КНР, которая продолжается до настоящего времени. Так, к примеру, Google был обвинен китайским регулятором в распро-

странении запрещенной информации, после чего он перенес трафик с google.cn на google.com.hk (Гонконг)⁶, где поиск не подвергается цензуре. Фактически это означало уход с рынка материкового Китая.

Справедливости ради отметим, что некоторые американские компании пошли по пути подчинения требованиям Китая ради доступа на его рынок, заплатив за это политической лояльностью. Такие компании, как, например, Apple, Microsoft и Tesla, адаптировали свои сервисы к китайским нормам, создавая локализованные версии продуктов с усиленной фильтрацией контента. Китай добился от некоторых американских компаний того, что они стали соучастниками защиты китайского информационного пространства.

3. Создание собственной цифровой экосистемы

Блокировка американских платформ сопровождалась комплексной стратегией развития национальных брендов. Эта стратегия была реализована не через прямое копирование западных моделей, а через построение замкнутой, но высокодинамичной системы, где государственное регулирование сочетается с рыночной инициативой крупных частных компаний. Уже в 2010-х годах такие гиганты, как Baidu, Alibaba, Tencent («BAT»), при поддержке государства заняли ниши, ранее принадлежавшие американским корпорациям, каждый из которых со временем создал свою мегаэкосистему (Чжао Цзицзюнь, Чжан Дань, 2020). При этом доступ к иностранным сервисам был ограничен технически — через так называемый «Великий китайский файервол» (Great Firewall), а юридически — через законодательство. Вместо Google появились национальные поисковики Baidu и Sogou; Wechat⁷ заменил WhatsApp; Weibo — Twitter, Facebook⁸; Youku, Bilibili, Douyin, Kuaishou — YouTube; Didi — Uber; Tencent — Zoom; Amap — GoogleMaps; JD, Taobao, Tmall — Amazon, eBay; Alipay, WeChatPay — PayPal и т.п.

Все это позволило Китаю не только обеспечить контроль над информационным пространством, но и создать условия для собственного технологического рывка. Государство стало активно стимулировать развитие внутренних компетенций, ускорило реализацию стратегий «Сделано в Китае — 2025» (Перская, Ревенко, 2020) и принимало различные программы развития ИИ, направив триллионы юаней на субсидии, налоговые льготы и государственные инвестиции в соответствующие ключевые сектора.

⁶ (Google's Exit, 2011).

⁷ 21 января 2026 г. Wechat отпраздновал 15-летие своего создания.

⁸ Признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории Российской Федерации.

Цифровой суверенитет стал не просто инструментом идеологической цензуры или контроля над информационным пространством, но стратегической основой национальной технологической безопасности и ключевой движущей силой экономического роста. Закрыв доступ к иностранным платформам, китайское государство создало условия для формирования внутреннего цифрового рынка-гиганта, защищенного от внешней конкуренции и подчиненного национальным приоритетам. Этот цифровой протекционизм позволил не только исключить утечку данных за рубеж, но и направить колоссальные финансовые, человеческие и интеллектуальные ресурсы на развитие собственных технологических экосистем. Можно представить, какие огромные средства — исчисляемые сотнями миллиардов долларов ежегодно — оставались внутри китайской экономики, когда вместо американских корпораций коммерческой деятельностью, сбором данных, монетизацией и предоставлением цифровых услуг стали заниматься исключительно частные китайские корпорации, по существу аффилированные с государством.

Этот перераспределенный поток капитала породил новую модель инновационного развития — государственные субсидии, налоговые льготы, а административная поддержка сочеталась с рыночной агрессией частного сектора, что привело к стремительному росту национальных гигантов. Например, WeChat (Tencent) не просто заменил WhatsApp, но стал универсальной платформой для общения, платежей, государственных услуг и электронной коммерции, генерируя триллионы юаней в год. Taobao и Tmall (Alibaba) не только вытеснили eBay, но создали «индустрию живых продаж» (live commerce), которая оценивалась в сотни миллиардов долларов США только на внутреннем китайском рынке. При этом Китай ввел запрет на биткойны и другие криптовалюты (Алексеевко, 2020, с. 118), принял необходимое законодательство для развития в целом платформенной экономики и электронной коммерции в частности (Алексеевко, 2021).

В результате Китай сумел превратить ограничение свободы Интернета в источник технологической автономии и экономической мощи, использовав запреты как инструмент накопления внутреннего капитала и компетенций. Цифровой суверенитет оказался не оборонительной тактикой, а наступательной стратегией, позволившей КНР занять одну из лидирующих позиций в глобальной гонке за искусственным интеллектом. Все это стало возможным благодаря решению держать данные, прибыль и инновации внутри своих границ.

4. Технологии ИИ в современном Китае

Принципы цифрового суверенитета особенно последовательно были применены при регулировании искусственного интеллекта. Уже с 2017 г., когда Китай объявил *ИИ стратегическим национальным приоритетом*, государство начало формировать закрытую, высокотехнологичную экосистему, в которой разработка, внедрение и контроль над ИИ-технологиями остаются под строгим надзором КПК. В отличие от западных моделей, ориентированных на саморегулирование, китайский подход сделал ставку на превентивное административное регулирование: все крупные ИИ-системы, особенно генеративные, обязаны проходить обязательную регистрацию в Государственном офисе по Интернет-информации (国家互联网信息办公室) (в англоязычных текстах — Cyberspace Administration of China (CAC), Государственное управление по киберпространству), а их алгоритмы — соответствовать идеологическим и политическим нормам, заложенным во «Временных правилах по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта» (生成式人工智能服务管理暂行办法) (10.07.2023) и «Правилах маркировки контента, сгенерированного ИИ» (人工智能生成内容标识办法) (07.03.2025).

В настоящее время развитие ИИ происходит в рамках национальной стратегии «ИИ + Производство» («人工智能+制造»). 25.12.2025 было принято «Мнение по реализации специальной программы “Искусственный интеллект + Производство”»⁹, в котором содержится призыв ускорить глубокую интеграцию искусственного интеллекта в производственный сектор Китая, сформировать «новые производительные силы» и обеспечить технологическое лидерство в рамках стратегии «новой индустриализации». Документ знаменует переход от пилотных проектов к массовому внедрению ИИ в реальный сектор экономики. Он тесно связан с политикой цифрового суверенитета и импортозамещения, усиливая автономию Китая в критических технологиях. Китай превращается в мирового лидера по темпам внедрения ИИ в реальный сектор. Без ИИ цифровая инфраструктура Китая потеряла бы свою главную функцию — способность не просто собирать данные, но мгновенно извлекать из них стратегическую ценность.

Заключение

В современном Китае цифровизация уже не существует без технологий искусственного интеллекта. Они, как брат и сестра, неразрывно связаны друг с другом — цифровизация создает дан-

⁹ Документ опубликован 07.01.2026 по адресу: https://www.nda.gov.cn/sjj/zwgk/zcfb/0112/20260107214358696030895_pc.html (на кит. яз.).

ные, а ИИ превращает их в эффективность и прибыль. Каждое действие, совершенное в цифровой среде (поиск, просмотр, платеж, отправление почты и т.п.), немедленно попадает в алгоритмические системы, обучаемые в огромных масштабах. ИИ здесь не просто инструмент, а операционная система всей цифровой экосистемы КНР. Синергия ИИ и цифровизации вместе с защитой цифрового суверенитета позволяет республике быть лидером не только в рассматриваемой сфере, но и в целом занимать первые места в мировой экономике.

По мере развития цифровизации и ИИ возникают сложные вопросы. Например, возможна ли полная интеграция ИИ в цифровую сферу без тотального ущемления приватности личности? Является ли цифровой суверенитет защитой национальных интересов или легитимацией массового наблюдения под прикрытием безопасности? Кто должен определять этические и идеологические параметры алгоритмов: государство, корпорации или общество?

Как известно, в Китае государство прямо задает ценности для ИИ (лояльность КПК, патриотизм, историческая правда). Как это влияет на объективность используемых в республике технологий? Может ли ИИ, обученный исключительно на локализованных внутри Китая и цензурированных партией данных, быть по-настоящему инновационным или он обречен воспроизводить только официальную риторику? Существует ли риск создания «двух миров ИИ»: одного — ориентированного на открытость и права (Запад), другого — на порядок и суверенитет (Китай)? Возможен ли диалог между ними в настоящем и будущем? Будет ли создано единое мировое цифровое пространство и универсальный для всех ИИ или в этой сфере будет существовать извечная конкуренция и происходящая от нее разобщенность? Ответы на эти и другие вопросы требуют времени и больших усилий со стороны мирового научного сообщества.

В любом случае политика КНР в области ИИ (Пиковер, 2024) занимает умы отечественных ученых, которые все больше и больше обращаются к китайскому опыту для поиска ответов на возникающие перед наукой и практикой непростые вопросы.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Алексеевко А.П.** (2020). Правовая политика Народного банка КНР в отношении инвестиций при помощи виртуальных токенов // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. № 8. С. 116–121. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.72.8.116-121 [Alekseenko A.P. (2020). Legal policy of the People's Bank of the China with respect to investment by virtual token. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 8, 116–121. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.72.8.116-121 (in Russian).]
- Алексеевко А.П.** (2021). Тенденции развития законодательства КНР в сфере правового регулирования электронной коммерции // *Юрист*. № 11. С. 51–56. DOI: 10.18572/1812-3929-2021-11-51-56 [Alekseenko A.P. (2021). Trends in the development of Chinese law on the legal regulation of e-commerce. *Jurist*, 11, 51–56. DOI: 10.18572/1812-3929-2021-11-51-56 (in Russian).]
- Габриелян Г.Р.** (2025). Цифровая цензура и управление медиaproстранством: подходы Китая // *Политконсультант*. Т. 5. № 2. Режим доступа: <https://politicjournal.ru/PDF/01PK225.pdf> [Gabrielyan G.R. (2025). Digital censorship and media space management: China's approaches. *Political Science and Technology*, 5 (2). Available at: <https://politicjournal.ru/PDF/01PK225.pdf> (in Russian).]
- Лян Юй:** 梁宇 (2024). 中国数据本地化政策的发展及启示 — 基于欧盟、俄罗斯和印度的对比分析 (Развитие и последствия политики локализации данных в Китае — сравнительный анализ на примере ЕС, России и Индии) // *科技管理研究 (Исследования в области управления наукой и технологиями)*. № 22. С. 21–27. DOI: 10.3969/j.issn.1000-7695.2024.22.003 [Liang Yu. (2024). The development and implications of China's data localisation policies: A comparative analysis based on the European Union, Russia and India. *Science and Technology Management Research*, 22, 21–27. DOI: 10.3969/j.issn.1000-7695.2024.22.003 (in Chinese).]
- Ма Гуан:** 马光 (2023). 论我国数据出境安全评估制度构建 (О построении системы оценки безопасности экспорта данных в Китае) // *上海政法学院学报 (Журнал Шанхайского университета политики и права)*. № 3. С. 126–137. DOI: 10.3969/j.issn.1674-9502.2023.03.009 [Ma Guang (2023). On the construction of China's outbound data transfer security assessment system. *Journal of Shanghai University of Political Science and Law*, 3, 126–137. DOI: 10.3969/j.issn.1674-9502.2023.03.009 (in Chinese).]
- Перская В.В., Ревенко Н.С.** (2020). «Сделано в Китае 2025»: китайский опыт обеспечения задач национального развития // *Азия и Африка сегодня*. № 7. С. 19–25. DOI: 10.31857/S032150750010100-2 [Perskaya V.V., Revenko N.

(2025). “Made in China 2025”: Chinese experience in achieving national development goals. *Asia and Africa Today*, 7, 19–25 (in Russian).]

Пиковер А.В. (2024). Политика КНР в области искусственного интеллекта // *Проблемы Дальнего Востока*. № 4. С. 87–98. DOI: 10.31857/S0131281224040076 [Pikover A.V. (2024). China’s policy in the field of artificial intelligence. *Far Eastern Studies*, 4, 87–98. DOI: 10.31857/S0131281224040076 (in Russian).]

Цзэн Цзинцзин, Чжан Боцзе: 曾婧婧, 张博杰 (2023). 数字主权: 理论框架、国际探索与中国方案 (Цифровой суверенитет: теоретические основы, международные исследования и китайские решения) // *信息技术与管理应用 (Информационные технологии и управленческие приложения)*. № 3. С. 138–146. [Zeng Jingjing, Zhang Bojie. (2023). Digital sovereignty: Theoretical framework, international explorations and the Chinese approach. *Information Technology and Management Applications*, 3, 138–146 (in Chinese).]

Цзян Ципин: 姜奇平 (2021). 评滴滴上市与整改 (Комментарий к IPO компании Didi и мерам по исправлению ситуации) // *互联网周刊 (Интернет-еженедельник)*. № 14. С. 8. ISSN 1007-9769003 [Jiang Qiping (2021). Commentary on Didi’s IPO and rectification. *Internet Weekly*, 14, 8. ISSN 1007-9769003 (in Chinese).]

Чжан Синьбао, Линь Чжунцян: 张新宝, 林钟千 (2015). 互联网有害信息的依法综合治理 (Комплексное регулирование вредоносной информации в Интернете в соответствии с законом) // *现代法学 (Современное правоведение)*. № 2. С.

53–66. DOI: 10.3969/j.issn.1001-2397.2015.02.07 [Zhang Xinbao, Lin Zhongqian (2015). Comprehensive handling of Internet detrimental information in accordance with law. *Modern Jurisprudence*, 2, 53–66. DOI: 10.3969/j.issn.1001-2397.2015.02.07 (in Chinese).]

Чжао Цицизюнь, Чжан Дань: 赵子骏, 张丹 (2020). 我国电子信息产业生态构建初探 (Предварительное исследование построения экосистемы электронной информационной индустрии в Китае) // *经济师 (Экономист)*. № 1. С. 250–251. DOI: 10.3969/j.issn.1004-4914.2020.01.122 [Zhao Zijun, Zhang Dan (2020). A preliminary exploration of the construction of my country’s electronic information industry ecosystem. *Economist*, 1, 250–251 (in Chinese).]

Google’s Exit: 谷歌退出中国市场: 市场推广与法律遵从大博弈 (Уход Google с китайского рынка: масштабная игра между маркетингом и соблюдением законодательства). 本刊编辑部 (Редакционный отдел) (2011) // *中国信息安全 (Информационная безопасность Китая)*. № 1. С. 37. DOI: 10.3969/j.issn.1674-7844.2011.01.030 [Google’s exit from the Chinese market: A major game between marketing and legal compliance (Editorial Department) (2011). *China Information Security*, 1, 37. DOI: 10.3969/j.issn.1674-7844.2011.01.030 (in Chinese).]

Поступила в редакцию 28.01.2026

Received 28.01.2026

P.V. Troshchinskiy

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Digitalization and artificial intelligence: China's experience

Abstract. China has achieved a remarkable progress in the digital domain, establishing itself as a global leader in the development and deployment of advanced digital technologies. The country now holds leading positions not only in artificial intelligence, big data, and semiconductors, but also in strategically critical sectors, such as quantum computing, genomics, renewable energy, space exploration, and precision-guided weaponry. These accomplishments stem from a coherent and effective government strategy that treats science, technology, and digitalization not merely as economic sectors, but as instruments for the “great rejuvenation of the Chinese nation”. At the core of this technological ascent lies a consistent policy of digital sovereignty, built on three key principles: safeguard of the national interests, comprehensive import substitution, and the development of indigenous technological supply chains independent of the West. Today, China ranks among the world's most deeply digitized societies, equipped with highly advanced artificial intelligence capabilities. The digital economy, including e-commerce, fintech, smart cities, AI, and cloud computing, accounts for a significant portion of the country's GDP; a share projected to reach 50% by 2030. For Russia, China's experience is of significant theoretical and practical relevance. Russia has made great strides in high-tech development, but due to various factors we still lag behind China in some areas. A careful study of the Chinese model offers an opportunity not only to adopt advanced technological and governance solutions but also to learn from its limitations, thereby paving the way for a viable alternative to both American and Chinese paradigms.

Keywords: *China, digitalization, artificial intelligence, digital sovereignty, platform, Chinese law, sanctions.*

JEL Classification: O33, O53, L86.

For reference: **Troshchinskiy P.V.** (2025). Digitalization and artificial intelligence: China's experience. *Journal of the New Economic Association*, 1 (70), 427–433 (in Russian).

DOI: 10.31737/22212264_2026_1_427-433

EDN: QXETMI